

ЎЗБЕКСТАН ССР
ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСИ
ҚАРАҚАЛПАҚСТАН ФИЛИАЛЫНЫҢ

ХАБАРШЫСЫ

СЕГИЗИНШИ ЖЫЛ БАСЫЛЫҒЫ

ВЕСТНИК

КАРАКАЛПАКСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЬМОЙ

№ 1 (27)

1967

КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

А. В. ГУДКОВА, В. А. ЛИВШИЦ

НОВЫЕ ХОРЕЗМИЙСКИЕ НАДПИСИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ТОК-КАЛЫ И ПРОБЛЕМА „ХОРЕЗМИЙСКОЙ ЭРЫ“

Первые итоги дешифровки надписей из Ток-калы и открытие новых текстов. Раскопки некрополя городища Ток-кала (средневековый Дарсан), начатые в 1962 г., были продолжены в 1964 г.¹ Обнаружены новые росписи, рельеф, а также 46 хорезмийских надписей на оссуариях, в том числе—впервые—надписи на каменных оссуариях. Установлено местонахождение еще нескольких погребальных камер (наусов) с оссуариями, часть которых, несомненно, содержит хорезмийские тексты.

Работы 1962 и 1964 гг. на Ток-кале предоставили науке около 100 надписей. В 1964 г. стал известен ряд текстов, сохранившихся целиком. Это дает возможность уточнить чтения надписей, открытых в 1962 г.² Новые находки существенно пополняют наши представления о хорезмийском письме VII—VIII вв., о хорезмийском календаре и некоторых слоях хорезмийской лексики. Надписи Ток-калы явятся важным источником для изучения истории домусульманского Хорезма, прежде всего для исследования структуры общества, характера и состава семьи. Уже сейчас ясно значение этих памятников для понимания религии древнего Хорезма и истории зороастризма. В наусах Ток-калы заключена, видимо, целая библиотека, совершенно уникальная по типу, содержанию и значению для истории культуры народов Средней Азии, особенно для иранского языкознания.

Именно это определяет активный интерес широкого круга специалистов в нашей стране и за рубежом к раскопкам Ток-калы и к работам, содержащим материалы этих раскопок. Первая публикация девяти надписей из Ток-калы сразу же после ее выхода в свет на русском языке была переведена на английский и издана в журнале „Acta Antiqua“ в Венгрии³. Ф. Альтхейм и Р. Штиль (ФРГ) на основе этой публикации сделали попытку пересмотреть датировку хорезмийских текстов из Топрак-калы и Ток-калы⁴. Наконец, проф. В. Б. Хеннинг (США), крупнейший специалист в области истории иранских языков и письменностей Ирана и Средней Азии, подверг тщательному анализу некоторые из

¹ Отчет о раскопках 1964 г. см. А. В. Гудкова. Новые материалы по погребальному обряду VII—VIII вв. в Кердере (Северный Хорезм). Сб. в честь 60-летия С. П. Толстова (в печати).

² С. П. Толстов, В. А. Лившиц. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала. „Советская этнография“, 1964, № 2, стр. 50—69.

³ „Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae“, t. XII, fasc. 1—2 (1964) pp. 231—251.

⁴ Fr. Altheim, R. Stiehl. Chwärezmische Inschriften. „Bibliotheca Orientalis“, Jahrgang XII, N 3/4 (Mai—Juli 1965), ss. 140—144.

токкалинских надписей, открытых в 1962 г.¹, привлекая и фотографии этих надписей, воспроизведенные в монографии „Ток-кала“.² Хеннинг уточнил чтение и толкование отдельных слов в текстах на оссуариях и высказал ряд важных соображений относительно их палеографических особенностей сравнительно с более ранними хорезмийскими документами из архива дворца Топрак-кала, а также их дат, связанных с проблемой „хорезмийской эры“.

Как известно из первой публикации надписей Ток-калы, эти памятники датированы годами какой-то эры. В надписях, открытых в 1962 г., представлены даты, лежащие в пределах между 658 и 738 годами этой эры.³ Обнаруженные в 1964 г. надписи относятся к тому же периоду—в них также нет дат более ранних, чем 658, и более поздних, нежели 738 год неизвестной эры. Эта эра представлена и в других датированных хорезмийских памятниках—документах архива из дворца Топрак-кала и надписях на серебряных чашах. Для Топрак-калы (фрагменты документов на коже и отпечатки на глине) засвидетельствованы 188, 204, 207 и 231 годы⁴, на чашах—570, 700, 703 (?)⁵ и 714 годы. Палеографические данные подкрепляют положение о том, что во всех хорезмийских памятниках, имеющих даты, выступает одна и та же эра. Сопоставление письма документов Топрак-калы с письмом надписей на оссуариях Ток-калы (и надписями на чашах) показывает, что перед нами—два этапа развития хорезмийской письменности, отделенных несколькими столетиями.

Легенды хорезмийских монет подтверждают этот вывод, демонстрируя изменения начертаний отдельных букв, сочетаний и постепенный переход к развитому курсивному письму, характерному для периода, непосредственно предшествующего арабскому завоеванию. Однако для абсолютной датировки памятников хорезмийской письменности и определения начала хорезмийской эры палеографических данных недостаточно. Археологические и нумизматические материалы из раскопок дворца Топрак-кала не дают пока возможности установить достаточно точные даты его жизни (II—III или III—IV вв. н. э. ?) и, соответственно, привязать к абсолютной хронологии даты топраккалинских документов. Несколько иное, как представляется, положение с датировкой некрополя Ток-калы и надписей на оссуариях.

Хорезмийская эра и косвенные данные о времени ее начала. Некрополь Ток-калы расположен непосредственно за стенами поселения. И поселение, и некрополь двуслойны. Нижний слой датируется VII—VIII, верхний—IX—XI вв. Отложения этих двух периодов разделены слоями разрушения и запустения. На некрополе погребения первого периода совершались по зороастрийскому обряду в оссуариях, поставленных в наусы; для второго периода характерны труположения в специальных цистах, определяемые как раннемусульманские.

¹ W. B. Henning. The Choresmian documents. „Asia Major“, New Series, vol. XI, pt. 2 (1965), pp. 166—179.

² А. В. Гудкова. Ток-кала. Ташкент, изд. „Наука“ Узбекской ССР, 1964. К сожалению, не все надписи в этом издании воспроизведены достаточно точно.

³ Наиболее поздняя дата, отмеченная до сих пор в надписях Ток-калы,—738 г. а не 753 г., как было указано в первой публикации.

⁴ Для документов Топрак-калы С. П. Толстов отметил 207, 222 и 231 годы (Датированные документы из дворца Топрак-калы и проблема „эры Шака“ и „эры Канишки“. „Проблемы востоковедения“. 1961, № 1, стр. 54—71; По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 222). Чтение второй даты вызывает сомнение—на фрагменте можно различить 2x100+1111 (204) Наиболее ранняя дата—188 г.—представлена в документе № 18/4.

⁵ Первая чаша из Бартыма: III III [I C] III (703) или III III [IC X] III (713). Ср. О. Н. Бадер, А. П. Смирнов. „Серебро закавказское“ первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение. М., 1954 (прорисовка даты неточна).

На раннем поселении и оссуарном некрополе представлен один и тот же раннекердерский керамический комплекс, обнаружены одинаковые, синхронные этому комплексу, монеты. Кроме того, зороастрийский некрополь независимо датируется периодом VII—VIII вв. и по типичным формам оссуариев, известным по многим раннесредневековым памятникам Хорезма. В результате выводы по вопросу датировки, сделанные на материале поселения, полностью применимы к некрополю, и наоборот. Это делает возможным взаимное дополнение хронологических наблюдений, полученных при раскопках поселения и могильника.

Время бытования раннекердерского керамического комплекса четко определяется VII—VIII веками на основе хорошо разработанной классификации раннесредневековой („афригидской“) керамики Хорезма. Формы VI в. на Ток-кале полностью отсутствуют. Типы сосудов, бытующие в Хорезме в IX в. и позднее, не встречаются в материалах раннего поселения и оссуарного некрополя, но широко представлены на поселении и могильнике IX—XI вв.

Некоторые археологические наблюдения позволяют, по-видимому, сузить датировку, основанную на анализе керамики. Стратиграфия домусульманского поселения, в частности отсутствие следов серьезных перестроек и больших ремонтных работ, указывает на сравнительную недолговременность его существования. Учитывая, что во влажном климате дельты сырцовые строения живут относительно недолго, следует считать, что без серьезных перестроек они вряд ли могли простоять более ста лет. На некрополе появлению раннемусульманских захоронений предшествовало настолько значительное разрушение полуподземных сырцовых наусов, что их остатки принимали в IX—XI вв. за грунт. Многие цисты полностью или (что еще более показательно) частично вкопаны поверх наусов. В целом характер разрушения прежних жилищ и наусов ко времени сложения раннемусульманского поселения и кладбища указывает на то, что период запустения длился примерно около ста лет, но не более. Следовательно, время существования раннекердерского поселения и его некрополя сокращается до одного века.

Можно спорить о том, когда произошло новое обживание холма Ток-тау—в середине или в конце IX в., но вряд ли вызывает сомнение, что раннекердерское поселение до IX в. не доживает.

Нумизматические материалы позволяют еще более уточнить эту датировку. На домусульманском поселении и в наусах найдены следующие монеты:

согдийские—царей Урка Вартармука (последняя четверть VII в.) и Тархуна (700—710 гг.);

хорезмийские—с именами правителей Хусрава¹ и Азкацвара (II?), относящиеся к первой половине VIII в. (не позднее его середины), Савашфана (около середины VIII в.) и некоторые другие, еще недостаточно изученные, но по типу также относящиеся к VII—первой половине VIII в.

Монеты Хусрава, найденные в большом количестве на Ток-кале,²

¹ С. П. Толстов видел на этих монетах имя *Xnkry*, сопоставляя его с *Хамгири* (*X'mkry*) или *Хангири* списка хорезмийских царей в „Хронологии“ Бируни и „царем Хамджерда“ (*X'mjrd*), упоминаемым у Табари, Бал'ами и Ибн ал-Асира. В. А. Лившиц предложил читать на монетах имя *Хуфарн* (*Xwprn*). Наиболее правильным представляется чтение, предложенное В. Б. Хеннингом (*W. B. Henning. The Choresmian documents*, p. 175),—*Хусрав* (*Xwsrw*). По-видимому, именно это имя а не титул) фигурирует в списке царских титулов у Ибн Хордалбега (VI,40), где „Хусрав Хваризм“ выступает как титул правителя Хорезма. К смешению имен собственных и титулов в списке Ибн Хордалбега и у других арабских авторов ср. *Тархун*—имя согдийского царя, превращенное в титул.

² А. В. Гудкова. Указ. соч., стр. 112 и сл.

в подавляющем большинстве являются перечеканом монет Азқацвара II. Можно полагать, вслед за В. Б. Хеннингом,¹ что имя Хусрав носил правитель Хорезма, захвативший власть после первого похода Кутейбы в Хорезм в 711 г. (93 г. х.). События, связанные с двухкратной экспедицией арабских завоевателей против Хорезма, кратко изложены в хронике Табари, у Белазури и Макдиси. Некоторые детали сообщает Бал'ами, использовавший в данном случае не только труд Табари, но и какие-то дополнительные источники. Первый поход завершился разгромом восстания Хурзада, младшего брата хорезмшаха Чагана (или Джагана—это имя приводится только у Бал'ами, монет с таким именем до сих пор не обнаружено). Сам Хурзад был взят в плен и казнен. Некий „царь Хамджерла“, принадлежавший, по-видимому, к числу сторонников Хурзада,² вынужден был капитулировать. Кутейба восстановил власть хорезмшаха (Чагана), наложил на Хорезм дань и назначил наместником Ияса бен Абдаллаха. После ухода Кутейбы восстание разгорелось с новой силой. Хорезмшах (Чаган), предавший свою страну, был убит восставшими.³ Кутейба сместил прежнего наместника и послал в Хорезм своего брата Абдаллаха (у Белазури—Убайдаллах), а затем, после взятия Самарканда, двинул на Хорезм большую армию. Этот, второй, поход арабов на Хорезм (94/712 г.) завершился полным разгромом восставших, массовыми казнями и варварским уничтожением памятников древнехорезмийской культуры и письменности. На хорезмийский престол, как сообщает Бируни, был посажен ставленник Кутейбы Аскаджамук (II?), сын Азқацвара II.

Сопоставление данных письменных источников с нумизматическими материалами позволяет как будто сделать вывод о том, что хорезмшах Чаган у Бал'ами соответствует Азқацвару II, упоминаемому дважды в списке Бируни и известному по монетным легендам. Хурзад, по всей вероятности, не чеканил монет со своим именем. Хусрав, большинство монет которого, как было отмечено выше, перечеканены из монет Азқацвара II, должен, по-видимому, соответствовать хорезмшаху, занимавшему трон в течение всего лишь нескольких месяцев—после смерти Чагана (Азқацвара II) и до разгрома восстания в 712 г. Его имя в известных нам источниках не упоминается, нет его, в частности, и в списках царей Хорезма у Бируни.⁴

В изложенных выше событиях многое остается неясным. Так, в частности, предстоит выяснить, почему Азқацвар II выступает у Бал'ами под именем Чаган (Сг'п). Если верно наше предположение о том, что титул правителя Хорезма у Ибн Хордадбега—*хусрав* отражает имя собственное (а не является среднеперсидским титулом), то следует задуматься, почему в других арабских источниках вовсе не упоминается имя этого царя. Наконец, заслуживает детального исследования вопрос о происхождении родовых знаков (тамг), представленных на реверсе медных монет Азқацвара II (Чагана) и Хусрава, и их отношении к тамгам других хорезмшахов.

В. Б. Хеннинг считает, что события 711—712 гг. привели к разрушению домусульманского поселения Ток-калы и оссуарного некрополя. Исходя из этого, он предлагает видеть в наиболее поздней дате, засвидетельствованной в надписях на оссуариях, год, непосредственно пред-

¹ W. B. Henning. The Choresmian documents, p. 175, p. 32.

² Судя по тексту Белазури, „царь Хамджерда“ может быть отождествлен с самим Хурзадом.

³ Сходные события имели место и в Согде в 710 г., когда согдийский царь Тархун, заключивший договор с Кутейбой, был смещен с трона и, вероятно, убит своими соотечественниками.

⁴ W. B. Henning, op. cit., p. 175, p. 32.

шествующий второму походу арабов на Хорезм.¹ В таком случае 738 год неизвестной эры (позднейшая из известных дат оссуарных надписей) должен соответствовать 711 г. н. э. и начало этой эры приходилось бы на 27 г. н. э.

Однако есть основания полагать, что некрополь Ток-калы продолжал функционировать в течение нескольких десятилетий после 712 г.— об этом свидетельствует находка на Ток-кале медных монет хорезмшаха Савашфана (*Sy'wrsprn* на монетах, *S'wsfrn* у Бируни), упоминаемого в китайских источниках (в форме Шаошифен) под 751 годом. Даты начала и конца его правления нам неизвестны. Серебряные монеты Савашфана, содержащие (как и серебряные монеты Азгацвара II, помимо хорезмийской надписи, также и согдийскую (*S'wsprn*), уже были опубликованы С. П. Толстовым. Медный чекан этого правителя еще не подвергался специальному исследованию, не было и публикаций его медных монет.

Среди медных монет с раннекердерского поселения удается выделить две монеты Савашфана² и серию монет, точно не определяющихся, но близких по типу к монетам этого правителя. Все эти монеты плохой сохранности. Из монет с именем Савашфана одна поднята на поверхности городища, вторая найдена на полу в помещении. Среди монет, близких по типу к чекану Савашфана (имя не читается), из культурного слоя происходят пять. Следует добавить, что с раннекердерских городищ Куюк-кала и Курганча, запустевших, видимо, в одно время с Ток-калой, в VIII в., среди подъемных монет пять, по определению Б. И. Вайнберг, по типу также близки к чекану Савашфана. Описываемые монеты различаются некоторыми деталями, но имеют сходные изображения: на лицевой стороне профиль царя в короне вправо, на оборотной— всадник на коне, шествующий вправо; по краю идет круговая хорезмийская легенда, прерываемая тамгой. Детали изображения короны на разных монетах различны. Повторения штампов не отмечено.

Ни арабских, ни хорезмшахских монет IX—X вв. на Ток-кале не обнаружено вовсе. Следует учитывать, что все найденные монеты— медные или бронзовые, имевшие хождение лишь в течение весьма короткого периода после их выпуска и потому являющиеся более точным датированным материалом, нежели серебряные.

Таким образом, керамические формы и типология оссуариев дают для некрополя Ток-калы общую датировку VII—VIII вв., данные стратиграфии сокращают ее до ста лет, а анализ монет позволяет отнести эти сто лет к 650—750 гг. н. э. Сужение датировки до одного века находится в полном соответствии с диапазоном дат в 80 лет по неизвестной эре, засвидетельствованных в надписях на оссуариях.

Один из авторов настоящей статьи³ ранее склонялся к тому, чтобы датировать прекращение жизни на поселении и запустение оссуарного некрополя 728 годом н. э., под которым в источниках упоминается об участии населения Северного Хорезма в антиарабском восстании и карательной экспедиции арабов в этом районе. Возможность такого предположения подтверждается как будто запустением около середины VIII века и других раннекердерских поселений в дельте Аму-Дарьи. Если считать, что Савашфан был действительно не только сыном, но и непосредственным преемником Аскаджамука II, как об этом сообщает Бируни, то тогда начало правления Аскаджамука можно было бы относить к 712 г., а его окончание примерно к 726 г., а правление Са-

¹ W. B. Henning, op. cit., pp. 168—169.

² № 9 и № 30 (определение монет принадлежит Б. И. Вайнберг); на монете № 9 ясно читается *Sy'wrspr* (п), в № 30—*Sy'w* [].

³ А. В. Гудкова. Указ. соч., стр. 123.

вашфана соответственно к 727—приблизительно 752,¹ полагая, что восстание в Северном Хорезме происходило в период правления последнего и согласуя, таким образом, находки на Ток-кале монет, чеканенных от имени Савашфана, с гипотезой о разгроме поселения и некрополя в 728 г. В этом случае позднейшая дата оссуарных надписей Ток-калы соответствовала бы 727 г. н. э. (год, предшествующий карательной экспедиции арабов), а начало хорезмийской эры—11 г. до н. э. Однако все попытки уточнений такого рода должны рассматриваться как сугубо предварительные гипотезы. Ясно лишь одно—некрополь Ток-калы функционировал не позднее, чем до конца второй—третьей четверти VIII в. н. э. Об этом свидетельствует вся совокупность археологических и нумизматических данных. Если принять эту дату, то наиболее позднюю из известных пока надписей на оссуариях Ток-калы нужно относить к периоду не позднее 750—775 гг. н. э. В таком случае начало эры, по которой датированы токкалинские надписи, лежит в пределах 10—30-х гг. н. э., т. е. отстает не очень далеко от начала христианской эры.

Совпадение с христианской эрой, конечно, чисто случайное. Введение местной эры в маздеистском Хорезме скорее всего было связано с приходом к власти в первой половине I в. н. э. (или в конце I в. до н. э.) царской династии и достижением Хорезмом, ранее, вероятно, входившим в состав Парфянского царства, независимости. На какие-то прежние связи Хорезма с Аршакидской Парфией указывает ряд обстоятельств: близость начертаний раннехорезмийского письма (надписи на керамике из Койкрылган-калы; легенды первых хорезмийских монет) к парфянскому; некоторые черты сходства эмиссий царей Хорезма с парфянскими монетами, в частности, весовые стандарты (отмечено В. М. Массоном); типы головных уборов, сходных с тиарами парфянских царей, на некоторых ранних сериях хорезмийских монет (В. Б. Хеннинг); наличие хорезмийских надписей на ранних монетах рядом с деформированными греческими (как на парфянских монетах I в. н. э.), хотя прототипом хорезмийских монет были, несомненно, монеты Греко-бактрийского царства; наконец, сам тип хорезмийского летоисчисления, основанного, как и эра Аршакидской Парфии, не на правлениях отдельных царей, а на счете лет от начала династии.

Нам не известно точно, в каком году летоисчисление по хиджре заменило старую эру в канцеляриях хорезмшахов, происходивших из той же древней династии,—в мусульманских источниках таких сведений найти не удалось. Вряд ли это произошло ранее середины VIII в. В зороастрийских общинах Хорезма (особенно на его периферии) старая система летоисчисления могла сохраняться и много позже—об этом можно судить по аналогии с зороастрийцами Персии. Хорезмийский вариант зороастрийского календаря был хорошо известен и в конце X в. Бируни не только смог сообщить в „Хронологии“ хорезмийские названия месяцев, дней и праздников, но и рассказать о пересчете начала года, осуществленного в 959 г. (1270 по эре Александра) и связанного с традиционными празднествами. В этом рассказе Бируни, между прочим, упоминает о введении шестого дополнительного дня в високосный год (ранее у хорезмийцев каждый год состоял из 365 дней—12 месяцев по 30 дней и 5 дополнительных), причем приводит название последнего хорезмийского месяца—*испандармадзи*, наименование, обычное для зоро-

¹Предположение о возможности двадцатипятилетнего правления Савашфана в Хорезме во второй четверти VIII в. не должно казаться невероятным, если даже учесть сложную обстановку в Средней Азии в этот период. Достаточно вспомнить, что в Согде, где происходили еще более бурные события, нежели в Хорезме, царь Гурек, интриговавший и против арабов, и против согдийской знати, занимал престол с 712 по 737 гг.

астрийского календаря.¹ Следует в этой связи отметить, что календарные термины обычно составляют очень устойчивую часть лексики, не изменяясь и не исчезая с появлением крупных перемен в культуре и идеологии. Достаточно, например, вспомнить сохранение у персов и после победы ислама, вплоть до наших дней, старого зороастрийского (так называемого „младоавестийского“) календарного словаря—названий месяцев, дней, а также некоторых празднеств.

Вернемся к хорезмийской эре. Начало ее, совпадающее с установлением власти царской династии и приходившееся, судя по сопоставлению данных надписей Ток-калы с археологическими и нумизматическими материалами, на период, близкий к началу н. э., вряд ли имеет, вопреки предположению С. П. Толстова,² какую-либо связь с традиционной датой начала эры Канишки (78 г. н. э.—дата, в настоящее время оспариваемая большинством ученых) или т. н. „сакской“ эрой, начало которой также относят к 78 г. н. э. В Хорезме, как и в соседней Парфии при Аршакидах или как в сасанидском Иране (где наряду с летоисчислением по правлениям отдельных царей была, вероятно, и единая эра—от коронации первого Сасанида), употреблялась система летоисчисления, стойко сохранявшаяся в течение более семи столетий. Именно эта эра представлена во всех известных в настоящее время датированных памятниках хорезмийской письменности. Мы находим ее в документах из дворца Топрак-калы (даты по хорезмийской эре 188—231 гг.), надписях на серебряных чашах (даты в пределах 500—714 гг.), наконец, в надписях на оссуариях из Ток-калы (658—738 гг.).

Палеографические данные, которые можно извлечь из этих памятников, находятся в полном согласии с изложенными соображениями—постепенное нарастание элементов курсивности письма и изменение начертаний отдельных знаков происходит постепенно. Датированные памятники достаточно точно фиксируют этапы развития хорезмийского письма, а относительная и абсолютная датировка этих памятников, в свою очередь, хорошо подкрепляется палеографией: хронологическая шкала совпадает с палеографической. Вряд ли могут возникать предположения о наличии разных эр в датированных хорезмийских памятниках—такие предположения находились бы в противоречии с палеографическими данными, в том числе и с почерпнутыми из монетных легенд. Последние показывают, что на фоне устойчивости самого монетного типа и основных номиналов, характерных для Хорезма на протяжении многих столетий, начертания надписей на монетах следуют тем же закономерностям и дают те же основные варианты, что и в других памятниках хорезмийской письменности: ранние монетные легенды сходны с письмом документов Топрак-калы, поздние—с надписями Ток-калы. Перед нами картина многовекового развития хорезмийского письма, засвидетельствованная памятниками, многие из которых имеют даты, отражающие единую эру. Более ранний этап (II в. до н. э.—I в. н. э.) представлен краткими надписями на керамических фрагментах.

Древнехорезмийский календарь у Бируни и в надписях с Ток-

¹ Абурейхан Бируни. Памятники минувших поколений, пер. М. А. Салье (Бируни. Избранные произведения, I), Ташкент, 1957, стр. 263 (стр. 241 арабского текста в издании Э. Захау). В свете этого рассказа представляются неточными утверждения некоторых исследователей о том, что старая хорезмийская религиозная (в частности, календарная) терминология во времена Бируни была уже плохо известна. Ср. W. B. Henning. *Mitteliranisch. Handbuch der Orientalistik*, Abt. 1, Bd. IV, Iranistik, 1. Abschnitt: Linguistik. Leiden-Köln, 1958, s. 115.

² С. П. Толстов. Датированные документы из дворца Топрак-калы и проблема „эры Шака“ и „эры Канишки“, стр. 54—71; По древним дельтам..., стр. 225; С. П. Толстов, В. А. Лившиц. Датированные надписи..., стр. 67—69.

калы. Уже С. П. Толстов отметил, что сведения Бируни о летоисчислении Хорезма, в частности, его сообщение об эре Африга, начало которой приходится на 304/305 г. н. э. (616 г. по эре Александра), не получают поддержки во всех обнаруженных до сих пор датированных хорезмийских памятниках. Действительно, эра Африга не может быть принята во внимание при установлении дат хорезмийских надписей и документов—дворец Топрак-кала и его архив следует датировать II—III вв. н. э., они никак не могут быть отнесены к V—VI вв. н. э., надписи Ток-калы относятся к VII—VIII, но не к X—XI вв. н. э.¹

Изучение монетных легенд показало, что имена хорезмийских царей, засвидетельствованные на монетах, как правило, не совпадают с именами, приведенными в „Хронологии“ Бируни при изложении генеалогий хорезмшахов (три списка). Совпадения отмечены лишь для конца VII—первой половины VIII вв. н. э. Для более раннего периода имена различаются таким образом, что невозможно объяснить эти различия только деятельностью переписчиков „Хронологии“. Следует заключить, что Бируни не знал подлинных имен царей Древнего Хорезма, как не знал и реально существовавшей хорезмийской эры. Сейчас, после открытия новых хорезмийских памятников и уточнения чтения надписей на монетах, еще более понятными становятся жалобы Бируни на отсутствие достоверных источников информации по истории его родины в период до арабского завоевания. Дважды вспоминает Бируни в „Хронологии“ об уничтожении войнами ислама во главе с Кутейбой ибн Муслимом памятников письменности и людей, знавших эти источники и традиции. Но это не только проклятия и жалобы—это одновременно и своего рода извинения Бируни перед читателями „Хронологии“. Ученый считал себя обязанным предупредить читателя о том, что сведения, сообщаемые им о царях и эрах древнего Хорезма, не основаны на достаточно точных данных „ибо стали исторические предания столь сокрытыми, что нельзя уже узнать в точности, что было с хорезмийцами даже после возникновения ислама“².

Но там, где Бируни мог использовать проверенные источники, там, где он мог сам собрать интересующие его сведения или уточнить данные информаторов, его изложение точно в мельчайших деталях. Это доказывается материалом токкалинских оссуарных надписей, блестяще подтверждающих данные Бируни о хорезмийском календаре. После новых находок надписей в 1964 г. мы располагаем полным списком названий месяцев (двенадцать), впервые представленных в собственно хорезмийской графике, и 18 названиями дней (из общего числа 30, из

¹ Не более чем курьезом следует считать попытку Ф. Альтгейма и Р. Штиль датировать надписи Ток-калы именно таким образом по эре Африга, и помещать их, соответственно, в X—XI вв. (658+305=963 г., 738+305=1043 г.), во времена Бируни (*Fr. Altheim, R. Stiehl, Chwarezmische Inschriften. „Bibliotheca Orientalis“, Jahrgang XII, N 3/4, Mei—Juli, 1935, ss. 140—144*).

Столь же безосновательны попытки этих авторов рассматривать календарные термины Ток-калы как чуть ли не более поздние сравнительно с формами этих названий у Бируни. Авторы не знают, в частности, согдийского названия 1-го месяца—*навсардич*—и пытаются толковать хорезм. *навсарджи* у Бируни как испорченное переписчиками *фраварджи* (из *фравартин*, *бвртн* в Ток-кале), тогда как соответствующее название представлено в списке Бируни в поздней форме *руцн (а)*. Авторы не понимают, что в хорезмийском письме, как и в согдийском, начальное *фр*-передается через *пр*-или *бр*-и т. д. В результате исправления чтений календарных терминов, предлагаемые Альтгеймом и Штиль, основаны почти сплошь на недоразумениях. Столь же неудачны и их попытки дать чтения двух фрагментов документов на коже из архива дворца Топрак-кала, опубликованных С. П. Толстовым.

² Памятники минувших поколений, русский перевод, стр. 48, арабский текст (изд. Захау)—стр. 36.

которых одно повторяется трижды). Эти материалы позволяют проследить взаимоотношения систем церковного и гражданского календарей в древнем Хорезме, о чем сообщает и Бируни, но что не было до сих пор понято исследователями „Хронологии“ (два списка названий месяцев). Мы имеем теперь возможность устранить ряд явных искажений в передаче хорезмийского календаря, допущенных переписчиками этого сочинения. Токкалинские надписи явятся, таким образом, одним из источников для будущего нового издания арабского текста „Хронологии“. Они показывают в то же время, насколько точно и полно знал Бируни календарь Хорезма—ряд форм в „Хронологии“, считавшихся до сих пор сомнительными, получают теперь полное подтверждение.

Надписи Ток-калы—и в этом их особое значение—позволяют также выяснить основные принципы хорезмийской орфографии и установить многие черты исторического развития хорезмийского языка, прежде всего его фонетической структуры. Здесь также особая роль принадлежит анализу календарных терминов, поскольку хорошо известны их древнеиранские исходные прототипы, их звучание и графические формы в родственных языках, их облик в хорезмийских текстах на разных этапах—от Топрак-калы (где удалось обнаружить пока немногие календарные термины) к Ток-кале и далее к „Хронологии“ Бируни.

Новое в дешифровке токкалинских надписей. Находки новых памятников в 1964 г. подтвердили правильность основных выводов о структуре и содержании надписей на оссуариях Ток-калы, сделанных на основе первых опытов чтения 9 надписей (из 100 известных к настоящему времени!). Надписи Ток-калы явились, по существу, первыми значительными памятниками хорезмийского курсивного письма—до 1962 г. мы могли судить о нем лишь по кратким легендам на поздних сериях монет царей Хорезма, в чтении имен которых было много неясностей; надписям на серебряных чашах (полностью не расшифрованным и до настоящего времени) и двум фрагментам документов (на коже и дереве), открытых при раскопках замка Якке-Парсан и также до сих пор полностью не прочитанным. Несколько больше данных имелось о раннем варианте хорезмийского письма, о котором можно судить по старейшим монетным сериям и документам из архива дворца Топрак-кала. Однако и эти документы остаются в подавляющем большинстве еще неизданными. Чтения немногочисленных опубликованных образцов (на дереве и на коже) являются сугубо предварительными и нуждаются в серьезных уточнениях.

Надписи на оссуариях из Ток-калы поставили перед их исследователями ряд сложных задач, из которых первой и важнейшей было определение букв курсивного хорезмийского письма, правил соединения знаков и установление основных типов лигатур. В хорезмийской письменности, насколько можно судить по известным сейчас памятникам, насчитывалось 19 букв (из 22 букв арамейского алфавита, легшего в основу письменности древнего Хорезма). В ходе развития этого письма очень многие знаки совпали по начертаниям. Так, написания букв б, н, п (иногда и з) совершенно не различаются между собой, равно как и у (о, в) и и (е, й), х (h) и к, и т. д. Но это не все. Во многих случаях соединения (лигатуры) нескольких знаков легко спутать с другими буквами. Например, сочетание а+н+и не только практически не отличается от сочетаний а+б+и, а+п+и, а+н+у и т. д., но и очень сходно с начертанием одной буквы ш. Курсивный хорезмийский текст содержит неисчислимое множество таких ловушек. Следует иметь в виду, что сами хорезмийцы, конечно, читали тексты не по буквам, а опознавая целые слова (как делаем это и мы сейчас, когда читаем, например, *рукописный* текст—русский, каракалпакский или любой другой). Однако исследователь, имеющий дело с почти неизвестным мерт-

вым языком, каким является хорезмийский периода до арабского завоевания, вынужден, по крайней мере на первом этапе расшифровки текста, вычленять и определять отдельные буквы, каждый раз решая (путем многочисленных подстановок, проверке по контексту и пр.), имеет ли он дело с б, п или н, в или й и т. д. Расшифровщик должен в полной мере изучить приемы, с помощью которых различали отдельные буквы сами хорезмийские писцы. Прежде всего он обязан установить ограничения в соединениях букв между собой—в хорезмийском письме, как и в некоторых других письменностях арамейского происхождения (прежде всего в среднеперсидской, т. н. „пехлевийской“), соединяются налево, со следующим знаком, лишь строго определенные буквы. Так всегда соединяются а, б, н, п, но не соединяются ш, в, й и проч.

Надписи Ток-калы отличаются известными особенностями, несколько облегчающими их расшифровку—по крайней мере, определение букв. Эти надписи довольно единообразны по структуре—обстоятельство, замеченное сразу и позволившее установить различные начертания одних и тех же слов, зависящие от привычек отдельных писцов (в токкалинских надписях можно насчитать более десятка различных почерков). Еще большее значение имел тот факт, что во многих надписях содержатся даты—слово „год“ (идеограмма *BSNT*, прочитанная С. П. Толстовым и в документах из архива Топрак-калы, за которым следуют цифры, „месяц“ (идеограмма *YRX'*) и его название, а также „день“ (идеограмма *BYWM*) и его название. Когда были распознаны эти идеограммы и установлены, путем сопоставления с другими древними иранскими языками и календарными списками в „Хронологии“ Бируни, чтения названий месяцев и дней, удалось установить формы начертаний почти всех букв курсивного письма этих надписей. Не подлежит сомнению, что если бы в надписях Ток-калы отсутствовали календарные термины, то определение букв и расшифровка текста были бы чрезвычайно затруднены.

В первой публикации 9 надписей (из находок 1962 г.) не была распознана форма буквы п, передававшей в хорезмийском письме два звука—п и ф. Новые находки памятников письменности позволили установить (на основании некоторых названий дней, где следовало ожидать наличие п), что эта буква пишется точно так же, как б и н. К этому же выводу пришел и В. Б. Хеннинг, показавший также, что знаки в (о, у) и й (о, и) в курсивном письме Ток-калы никогда не соединяются налево со следующим знаком. Хеннинг уточнил чтение слова, встречающегося почти во всех оссуарных надписях и являющегося обозначением самого оссуария. Это слово должно читаться не *танбарйк* (*тнбрик*), как предполагалось в первой публикации, а *тапанк'ук* (*тпнквк*), букв. „ящикек“¹; оно известно и в других иранских языках (например, в новоперсидском—таджикском), причем нередко выступает в значении „глиняный ящикек“. В одном согдийском тексте это слово в форме *тапан* (*тпн*, без суффикса-*ук*) имеет значение „гроб“.²

В. Б. Хеннинг установил также правильное чтение и толкование слова *NPSY*, присутствующего во многих надписях на оссуариях, показав, что это идеограмма для хорезмийского *хуписк* (или *хубиск*)—„свой, собственный“.³ Однако основные выводы о характере содержания надписей Ток-калы, сделанные по материалам раскопок некрополя в 1962 г.,

¹ W. B. Henning. The Choresmian documents, p. 177.

² Форма *тапан* (*тпн*) отмечена один раз и на Ток-кале—надпись № 23 (1964 г.).

³ W. B. Henning, op. cit., p. 176. Авторы первой публикации вместо *NPSY* читали *NYSY* и пытались видеть в этом слове идеограмму со значением „женщина“, жена“.

остаются в силе. Они подтверждены как исследованием Хеннинга, так и находками новых памятников:

1. Большинство надписей содержат дату (год по неизвестной эре, месяц и день), обозначение самого оссуария, имени покойного и его отца и—сравнительно редко—формулу благопожелания: „Год... месяц... день... Этот оссуарий („ящичек“) такого-то, сына такого-то (вариант: „собственность такого-то, сына такого-то“). Пусть душа его... (или „души их“—самого покойного и его отца)...“

2. Названия месяцев и дней, засвидетельствованные в надписях, указывают на хорезмийский вариант авестийского календаря. О зороастризме свидетельствует и терминология пожелательных формул.

3. Структура надписей довольно единообразна. Выделяются три основных варианта: а) краткий, без даты, содержащий лишь обозначение оссуария, имени покойного и его отца; б) с датой; в) с датой и формулой благопожелания. Весьма редки надписи, состоящие из одного слова—имени собственного.

4. Надписи чаще всего писались и читались по вертикали, причем многие из них начинались на крышке оссуария и продолжались на корпусе.

В настоящее время новые находки и более детальное изучение всего материала позволили обнаружить новые варианты надписей, несколько отличающиеся от выявленных ранее. После того, как удалось установить, что в надписях представлены не только даты, обозначение самого оссуария, имени покойного и его отца, но и термины, характеризующие общественное и семейное положение покойного и его родственников, каждая вновь открытая надпись может стать дополнительным историческим источником. Выяснилось также значительное разнообразие пожелательных формул, заключающих некоторые надписи. В этих формулах содержатся термины, помогающие восстановить многие черты зороастризма в той его разновидности, которая была характерна для древнего и раннесредневекового Хорезма.

Надписи на оссуариях Ток-калы, как и некрополя Миздахкана—Гяур-калы в районе Ходжейли, успешно раскапываемого В. Н. Ягодиным, содержат важные данные для суждения о составе хорезмийской семьи VII—начала VIII вв. н. э. Они особенно важны в связи с тем, что и среди более ранних хорезмийских памятников—текстов из архива Топрак-калы имеется группа документов, содержащая списки мужчин (юношей и взрослых), входивших в состав больших семей („домов“). Два документа такого рода были опубликованы С. П. Толстовым, издание остальных текстов этой серии (всего более десятка, все на дереве и хорошей сохранности) подготавливается. Поскольку в этих документах перечисляются лишь мужчины, входившие в состав „домов-семей“ (идеограмма *BYT*), можно предполагать, что они имели отношение к формированию армии (скорее всего, ополчения) и были связаны, таким образом, с „военным ведомством“. Как и другие документы архива дворца Хорезмшахов, эти списки должны быть отнесены скорее всего к периоду II—III вв. н. э. В списках приведены имена главы семьи, его сыновей (причем особо помечены взрослые сыновья,—’*lt*—„совершеннолетний, взрослый“), зятьев, а также имена рабов (или домашних слуг—*BDn*, форма множественного числа),¹ с указанием „рабы“ (или „слуги“) жены (домовладыки), „рабы матери“, „рабы детей (домовладыки)“, „(сын) рабыни“.

В надписях Ток-калы мы находим упоминания об отце, иногда и деде покойного, в женских захоронениях—упоминание не только отца,

¹ Ср. сообщения античных источников о рабах в составе парфянского войска.

но и мужа. Особое значение имеют социальные термины, встречающиеся в надписях, в том числе, по-видимому, и обозначения рабов (или „клиентов“). Так, в надписях № 52 (1962)¹ и № 58 (1962)² отмечен термин *хунаник* (hwn'пук) „раб“, ср. *хунзадик* „раб“, букв. „сын хунна“, в поздних хорезмийских текстах XII—XIII вв. (в арабо-персидской письменности). В надписи № 4 (1962 г., Ток-кала, табл. VI, № 2) мы встречаем термин *паник* (рпук), букв. „сомужница“, которым обозначались жены одного и того же мужа. Например: „Год 696,₂ месяц |]. Этот оссуарий (принадлежит) Африям, ₃одной из жен („сомужнице“) Вирама, внука³ Косака“.

В ряде надписей упоминаются члены одной и той же семьи или рода. Так, имя Вахунт (Wxwnt) отмечено как имя отца покойного в надписях № 71 (1962 г.),⁴ № 69 (1962 г.) и № 12 (1962 г.).⁵ В надписи № 1 (1962 г.),⁶ отличающейся от всех других известных до сих пор надписей Ток-калы размерами (40 слов!) и структурой, упоминается Азрумай ('zrwм'y), дед покойного. Это же имя выступает в надписи № 52 (1962 г.) как имя отца. В надписи № 1 отмечено также имя Ахшумбанда ('xšw-тпnt), сына Шахина (š'хуп'п) как имя главы рода, которому (ему самому или его потомкам) принадлежит, по-видимому, весь наус—*фравартик* (prwtyk).⁷ Тот же Ахшумбанд предстает в надписи № 7 (1962 г.).⁸ Тирикан (tuрук'п) выступает в нескольких надписях, обнаруженных в 1964 г. — №№ 11, 21 (в этих оссуариях похоронены братья), 24, 30 (фрагменты), 28 (видимо, Тирикан как глава рода—„владелец“ науса). Весьма важным (хотя и очень трудным) представляется изучение имен собственных, которые, возможно, смогут пролить свет на этнический состав населения Кердера VII—VIII вв. н. э. Пока лишь ясно, что теофорных имен сравнительно немного.

Совершенно очевидно, что продолжения раскопок некрополя Ток-калы с нетерпением ждут не только археологи и лингвисты, но и историки и этнографы. Памятники Ток-калы содержат данные, имеющие первостепенное значение для изучения целого комплекса проблем филологии, истории, истории культуры и религии древнего Хорезма и других областей Средней Азии. Все это требует возможно скорейшего введения в научный оборот всех документов Ток-калы в такой форме, которая бы сделала возможной для широкого круга специалистов работу по их дешифровке и изучению. В настоящее время начата подготовка публикации фотографий токкалинских текстов, извлеченных в 1962 и 1964 гг., в „Корпусе ираноязычных надписей“ (Corpus inscriptionum Iranicarum)—международном серийном издании, осуществляемом ЮНЕСКО при активном участии научных учреждений СССР. План „Корпуса“ предусматривает публикацию всех эпиграфических памятников на иранских языках, обнаруженных на территории Ирана, Средней Азии и Закавказья и прилегающих стран и относящихся к периоду от VI в. до н. э. до XVI в.н.э. Надписи Ток-калы должны составить отдельный выпуск „Корпуса“. Подготовка выпуска возложена на А. В. Гудкову.

¹ Фотография в кн. А. В. Гудкова. Ток-кала, табл. XVI, № 1. С. П. Толстов, В. А. Лившиц. Указ. соч., рис. 1.

² Ток-кала, табл. XV, 1а—1б.

³ Нр'пук, этот же термин в надписи № 22 (1962 г.), см. Ток-кала, табл. VI, № 1.

⁴ Ток-кала, табл. XI № 2.

⁵ Ток-кала, табл. V, № 1, табл. III, № 4; см. также С. П. Толстов, В. А. Лившиц. Указ. соч., рис. 5,7. Уточненный перевод надписи № 69: „Этот оссуарий—собственность души Гари, сына Вахунта“.

⁶ Ток-кала, табл. XVII, № 1-а—1-в.

⁷ Это слово мы встречаем и в надписи № 39 (1962 г.)—Ток-кала, табл. IV, № 1; С. П. Толстов, В. А. Лившиц. Указ. соч., рис. 6 (стк. 4).

⁸ Ток-кала, табл. XI, № 1.

Место токкалинских надписей среди других памятников хорезмийского языка. Надписи Ток-калы занимают особое место среди хорезмийских памятников. О хорезмийском языке еще сравнительно недавно можно было судить лишь по текстам на арабской (точнее—арабо-персидской) письменности, относящимся к XII—XIV вв. и характеризующим этот язык в последний период его существования. Этих памятников немного. Важнейшими из них являются:

1. Сочинение хорезмийского юриста Мухтара аз-Захиди „Кунйат ул-мунйа“, составленное в XII в. и излагающее ряд разделов мусульманского права на арабском языке, с переводом на персидский и с хорезмийскими фразами, включенными в основной текст. В начале XIV в. хорезмийские фразы этого сочинения были прокомментированы ал-Имади, уроженцем Ургенча¹.

Рукописей ал-Захиди с добавлениями ал-Имади известно несколько (в том числе в Ташкенте и в Ленинграде). Количество хорезмийских слов в этом сочинении сравнительно невелико—не более 2500, включая многочисленные повторения, однако текст сохранился довольно хорошо и весьма важен для исследования грамматики хорезмийского языка позднего периода.

2. Хорезмийская версия известного толкового арабского словаря „Мукаддимат ал-адаб“ ал-Замахшари, уроженца Хорезма (XII в.). Эта версия обнаружена пока только в одной рукописи, хранящейся в Турции и опубликованной (факсимиле) в 1951 г. Переводчик словаря Замахшари на хорезмийский язык был одновременно и ее переписчиком. Хорезмийский текст в этой рукописи труден для чтения, очень часто отсутствуют точки, играющие столь важную роль в арабском письме,² однако эта рукопись остается основным источником для изучения хорезмийской лексики позднего периода.

Отдельные хорезмийские слова и фразы встречаются у арабских географов (Истахри, Мукаддаси и др.), историков и других авторов (в том числе в географическом словаре Якута), путешественников (Ибн Фадлан) и юристов („Йатимат ад-дахр фи фатави ахли л-аср“). Очень важны разделы, посвященные истории, календарю, обычаям и праздникам хорезмийцев в „Хронологии“ ал-Бируни и в некоторых других сочинениях этого великого ученого-энциклопедиста. В них приведены и отдельные термины, в том числе календарные наименования. До открытия надписей Ток-калы это были единственные подробные сведения о хорезмийском календаре. Во времена Бируни (конец X—XI вв.) хорезмийский язык был еще в широком употреблении. Бируни сам, несомненно, не только знал язык своей родины, но и мог писать на нем, хотя в научных своих сочинениях прибегал обычно к арабскому. „История Хорезма“, составленная Бируни, дошла до нас только в небольших отрывках, включенных в историю Бейхаки, однако по этим фрагментам можно судить о том, что вплоть до конца X в., до завоевания Хорезма Махмудом Газнийским, при дворе Хорезмшахов и в канцелярском делопроизводстве пользовались хорезмийским. Был ли он на старой, собственно хорезмийской письменности, или уже пользовались арабской письменностью, приспособленной для хорезмийского языка (как у Би-

¹ Название *Ургенч* происходит от хорезмийского слова *ург* „волк“. Персидско-таджикская форма *Гургандж* является переводом перс. *гург* „волк“. Арабская *Джурджания* происходит от персидской формы.

² Так, хорезмийское слово *пасак* „дом“ написано в этой рукописи таким образом, что возможно 36 различных чтений; хорезмийское *нисид* „он сел“, „он превратился“ выступает в графической форме, которая допускает 2640 (!) различных чтений. См. *W. B. Henning. The structure of the Khwarezmian verb. „Asia Major“ N. S., vol. V, pt. I. (1955), p. 43.*

руни), остается пока неясным, но несомненно, что этот язык сохранял свои позиции в течение нескольких столетий и после завоевания Хорезма арабами, в том числе и как язык письменности.

В низовьях Аму-Дарьи хорезмийский язык, как можно судить по комментарию ал-Имади, был в употреблении еще и в начале XIV в. В то же время есть основания полагать, что уже в XIII в. по крайней мере часть хорезмийцев стала двуязычной. Об этом свидетельствуют как данные текста сочинения аз-Захиди („если хорезмиец скажет по-тюркски „Эр оглум“—, „О сын мой...“), так и показания путешественников, отмечавших в XV в. только тюркскую речь на территории Хорезма (Плано Карпини). В городах Хорезма хорезмийский язык должен был уступить место языку фарси (персидско-таджикскому). О большом влиянии лексики фарси на хорезмийскую свидетельствует хорезмийская версия словаря Замахшари.

Весьма интересно, что хорезмийский язык периода после арабского завоевания, заимствовав значительное число арабских и персидских слов, во многом изменил их структуру: заимствованные слова, как правило, получали хорезмийские суффиксы (араб. *мулла*—хорезм. *муллаик* „мулла“; перс. *кагаз*—хорезм. *кагазик* „бумага“ и т. д.) и часто меняли свой фонетический облик (араб. *мусулман*—хорезм. *мусурман*, откуда русское „басурман“).

Хорезмийские тексты арабским письмом стали предметом исследования с 1936 г. Наиболее важные работы в этой области принадлежат патриарху советских иранистов проф. А. А. Фрейману и проф. В. Б. Хеннингу (США). Грамматика и словарь хорезмийского языка периода XII—XIV вв. находятся еще в процессе составления, но основные данные о структуре и лексике этого языка можно вынести из опубликованных текстов. Совершенно очевидно, что при истолковании более ранних хорезмийских памятников следует в полной мере учитывать тексты XII—XIV вв., а также сведения Бируни и других источников, представляющих хорезмийский язык в арабской графике. Отношение хорезмийского этого периода к более ранним этапам его развития должно быть, вероятно, сходным с отношением новоперсидского к среднеперсидскому („пехлевийскому“) или согдийского к ягнобскому—один и тот же язык, хотя и с диалектными отличиями, представленный на двух последовательных этапах своего развития и в различной письменной оболочке. Среднеперсидский язык и письменность известны давно и исследованы основательно, равно как и согдийский. Хорезмийский язык древнего периода и собственно хорезмийская письменность, бытовавшая до арабского завоевания и продолжавшая употребляться в течение некоторого времени и после внедрения ислама и арабской письменности на территории Хорезма, становятся известными лишь в наши дни.

В настоящее время можно говорить о наличии трех хронологически последовательных групп памятников древнехорезмийской письменности:

а) надписи на керамике, обнаруженные на городищах древнего Хорезма и относящиеся к периоду от II в. до н.э. до I—III вв. н.э.;

б) надписи на ранних хорезмийских монетах (II—IV вв.) и документы из дворца Топрак-кала (II—III вв.);

в) хорезмийские надписи на серебряных чашах (VI—начало VII вв.), монеты VI—VIII вв., два документа из Якке-Парсана на коже и дереве (VII—VIII вв.?), надписи на оссуариях из Ток-калы и Гяур-калы Миздахканской.

Впервые попытка реконструкции древнехорезмийского алфавита, возникшего, как и подавляющее большинство других письменностей Средней Азии, Ирана и Закавказья, на основе арамейского, была пред-

ложена в 1938 г. С. П. Толстовым в результате изучения хорезмийских монет.¹ В то время монеты были единственным источником для суждения о хорезмийском письме, причем Толстов первым решил и самую проблему отнесения монет исследуемых типов к территории Хорезма. Работа С. П. Толстова положила начало хорезмийской палеографии. Ему удалось, как выяснилось позднее, верно определить ряд знаков хорезмийского алфавита на ранних монетах и установить некоторые характерные черты перехода к курсивному письму, представленные в легендах монет более позднего периода. При чтении надписей на монетах Толстов исходил главным образом из предположения о том, что имена правителей Хорезма, засвидетельствованные на монетах, должны быть в основном те же самые, которые зафиксированы (в арабской графике и с возможными искажениями переписчиков) в списках генеалогий царей Хорезма в „Хронологии“ Бируни. Естественно, что сам характер материала (только легенды монет) и отсутствие других категорий памятников, которые можно было бы привлечь для сравнения и проверки, не позволял дать с полной уверенностью цельную картину древнехорезмийского алфавита и этапов его развития.

Лишь недавно выяснилось, что имена царей на монетах и в списках Бируни почти не совпадают и что на сериях хорезмийских монет первой половины VIII в., кроме хорезмийских, есть и согдийские надписи, ошибочно принятые за хорезмийские, что не могло не привести к неточностям в характеристике хорезмийского алфавита. Тем не менее и сейчас, когда имеются довольно многочисленные и разнообразные памятники хорезмийской письменности, позволяющие проверить и уточнить чтение надписей на монетах, нельзя не поражаться интуиции и таланту С. П. Толстова, сумевшего лишь по данным монетных легенд сделать правильные заключения о многих важнейших особенностях хорезмийского письма. Им была правильно прочитана титулатура (*МЛКА*, „царь“ и *МРАЙ МЛКА*, „государь царь“), что дало возможность определить 6 букв. Ближким к истине было и чтение по крайней мере трех имен царей на монетах, что позволило верно распознать еще несколько букв. С. П. Толстов первым определил как хорезмийские и группу надписей на серебряных чашах, происходящих из Прикамья (они попали туда из Хорезма, вероятно, в обмен на пушнину) и опубликованных еще в 1909 г. в атласе Я. И. Смирнова „Восточное серебро“. Эти надписи полностью не прочитаны и до сих пор. По письму, как об этом можно судить в настоящее время, они весьма близки к надписям Ток-калы.

В послевоенные годы, по мере развертывания работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, начались находки письменных памятников, начертанных хорезмийским письмом. Как было отмечено выше, особую группу среди них составляют надписи на керамике, обычно краткие, процарапанные на сосудах или нанесенные черной краской. Сейчас известно около десяти таких надписей. Старейшей из них является однословная надпись на керамическом фрагменте с Койкрылган-калы. Эта надпись² датируется, вероятно, II в. до н.э., периодом, когда хорезмийская письменность еще только оформлялась как самостоятельная и когда сходство с арамейским исходным алфавитом было особенно велико.

К несколько более позднему времени относятся другие надписи на

¹ С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, 1938, № 4 (5), стр. 120—145; *его же*. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 173—195.

² Фотографии надписей публиковались неоднократно, последний раз в статье С. П. Толстова „Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.“ (Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 176, 179, рис. 75). В надписи всего 5 знаков *СПРНК* (?), вероятно, собственное имя владельца сосуда.

керамике, обнаруженные в Хорезме. Некоторые из них характеризуют этап хорезмийской письменности, когда особенно заметно было сходство с ранним парфянским письмом;¹ другие демонстрируют несколько более поздние элементы, которые со временем разовьются в курсивное письмо.²

При раскопках дворца в Топрак-кале в 1947—1949 гг. обнаружен целый архив—18 документов на деревянных дощечках и палках (некоторые из них прекрасной сохранности), в том числе на дощечках с ручкой, типа позднейших среднеазиатских *тахтача*, фрагменты документов на коже и очень большое число (более 200) глиняных фрагментов, содержащих отпечатки текстов. Когда-то и это были документы на коже, хранившиеся в свитках. Кожа истлела, но остались зеркальные отпечатки букв и даже целых слов и строк. Глина проникала вглубь свитков, так что на глиняных втулках сохранились следы нескольких слоев текста. Так образовались „глиняные свитки“, содержащие в отдельных случаях до 10 строк в каждом слое.

Архив Топрак-калы еще полностью не расшифрован, однако уже сейчас ясно, что он состоит главным образом из хозяйственных документов³. Среди текстов на дереве выделяются списки больших семей, составленные по единому типу, о которых уже упоминалось выше. Документы на коже, как и разобранные отпечатки на глине, являются реестрами поступлений и выдач. В них упоминается вино, мука и другие продукты, а также предметы снаряжения. В нескольких фрагментах говорится о храмах или религиозных празднествах (АЛХИА—идеограмма для хорезмийского слова *баг* „бог“).

Письмо то раккалинских документов показывает первый этап перехода к курсиву. Оно сходно со шрифтом легенд надписей на хорезмийских монетах, которые можно отнести примерно к периоду II—IV вв. н. э. В это время буквы только начинают соединяться между собой, причем далеко не все.

В третьей группе хорезмийских памятников основное место принадлежит надписям некрополей Ток-калы и Гяур-калы (Миздахкан). По письму (развитый курсив) в эту группу должны быть включены и упоминавшиеся выше надписи на серебряных чашах, имеющие даты (500—714 гг. неизвестной эры). На документах, найденных в Якке-Парсане, дат не было или они не сохранились. Нет их и на открытых до сих пор оссуарных надписях из Гяур-калы.

С точки зрения палеографии, торкалинские надписи сходны с легендами поздних монетных серий—VI—VII и VIII вв., в том числе с монетами царя Савашфана. Различия в технике нанесения надписей (врезка по металлу и камню, письмо кисточкой или каламом) несколько затрудняет установление последовательных этапов развития хорезмийской письменности, однако основные черты этого процесса вырисовываются достаточно четко. Надписи Ток-калы, довольно точно датированные материалами раскопок поселения и некрополя, могут служить сейчас основой для привязки всех памятников хорезмийской письменности к шкале абсолютной хронологии. Дальнейшие работы смогут показать правомерность этих выводов для датировки и соответствующих археологических комплексов, прежде всего дворца Топрак-кала. Другая ли-

¹ См., например, фрагмент надписи, процарапанной на вьючной глиняной баклаге (Труды Хорезмийской экспедиции, т. II, стр. 179, рис. 75) или надпись черной краской (С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 131), содержащую одно слово—БНТАХК и чрезвычайно близкую по начертанию к ранним разновидностям парфянского и согдийского письма.

² Ср., например, неопубликованную еще надпись черной краской на фрагменте толстостенного сосуда из Койкырган-калы (1956 г., инв. № 130+304).

³ С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 215—222.

ния исследования оссуарных надписей связана с расшифровкой и истолкованием социальной и религиозной терминологии, заключенной в них, изучением состава семьи, семейных отношений, социальной стратификации общества Северного Хорезма в период, непосредственно предшествующий арабскому завоеванию.

Новые раскопки Ток-калы, надо думать, принесут новый фактический материал, а возможно и ответы на проблемы, изложенные в этой статье и в работах других исследователей, занимающихся древним Хорезмом.

Резюме

Мақалада Ток-кала эўлийшилигиндеги оссуарийлерден жаңадан табылған кәдим-ги хорезм жазыулары туўралы баян етиледи. Соның менен бирге Хорезмде календарлық еки: диний хәм диний емес системаның орнаў фактын белгилеў хәм Хорезм эрасының басланыў дәўири ҳаққындағы мәселе арнаўлы түрде изертленеди. Авторлар бул жазыуларды оқыуда жаңа пикирлер жүргизеди хәм баска естеликлер ишинен оның Хорезм тилинде тутатуғын орнын белгилейди.
